

С. В. Соколовский

ЗА СТЕНАМИ АКАДЕМИИ: АНТРОПОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО В РОССИИ

В апреле 1996 г. в бюллетене Королевского антропологического института Великобритании и Ирландии “Anthropology Today” была опубликована статья Криса Шора “Кризис идентичности антропологии: политика публичного имиджа” (Shore 1996), в которой ее автор констатировал, что хотя социальные антропологи и преуспели в исследовании идентичностей других, они теряются, когда речь заходит об определении идентичности и публичном имидже их собственной дисциплины.

По его мнению, антропология в Великобритании страдала от нехватки публичности и проблем, связанных с ее образом в обществе. Его мнение подкреплялось сведениями из официального отчета о преподавании и обучении антропологии в Соединенном Королевстве, увидевшего свет в октябре 1995 г. (Mascarenhas-Keyes et al. 1995) и содержавшего любопытные сведения о восприятии антропологии в британском обществе. Образ антропологии был столь плох, что выпускники антропологических отделений при устройстве на работу вне академического сектора использовали названия любых смежных и близких профессий (социальный аналитик, региональный специалист, специалист по планированию развития, исследователь городских изменений, консультант по бизнес-стратегии и организации, социолог и даже сестра-сиделка). Разумеется, такое восприятие не могло объясняться кознями журналистов, но было непосредственно связано с тем, как сами антропологи воспринимали свое сообщество и профессию и представляли их обществу. Другой причиной стало то, что публика, но что еще важнее – потенциальные наниматели, знали очень мало об антропологии (и в качестве университетской специальности, и в качестве профессии).

Я познакомился с этими публикациями в 1997 г. В то время я читал небольшой спецкурс для старшекурсников на одном из факультетов Российского государственного гуманитарного университета и попросил студентов провести опрос своих знакомых, который, как я надеялся, позволил бы прояснить некоторые стороны восприятия антропологии (этнографии) у нас в стране, поскольку мне казалось, что наши выпускники сталкиваются с теми же проблемами, что и выпускники британских кафедр. Спустя несколько лет, вернувшись из США с конференции Общества прикладной антропологии, на котором были представлены более тысячи докладов (BB 2003), в основном американских коллег, я повторил это исследование с другой группой студентов-антропологов, на этот раз попросив их изложить результаты опроса письменно. Я рассказал студентам о конференции, о десятках направлений и областей приложения антропологии в США, совершенно отсутствующих в России, и мы вместе попытались поразмышлять о причинах столь разительных различий¹.

Каждый студент опросил 10–12 человек и сам ответил на вопросы небольшой анкеты (10–12 вопросов). Таким образом, в опросе участвовало более 80 человек, главным образом студенты московских вузов, но также их родители и знакомые, в том числе несколько человек старше 50 лет. Эту выборку, конечно, нельзя считать репрезентативной; ее размер и состав обусловлен двумя факторами: ограниченностью времени, отведенного на выполнение этого микроисследования, и доступностью информантов. Тем не менее мнения, отраженные в этом опросе, на мой взгляд, вполне адекватно отражают социальные представления об антропологии/этнографии и в этом качестве заслуживают внимания.

Сергей Валерьевич Соколовский – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

Выяснилось, прежде всего, что почти треть респондентов ничего не знает ни об антропологии (социальной и физической), ни об этнографии/этнологии, а у остальных есть о них весьма смутные и неверные представления. “Я опрашивала людей в возрасте от 19 до 43 лет (преимущественно женщин)... Некоторые отказывались отвечать на вопросы, так как не имели представления о существовании такой науки, как антропология, вообще” (Медведева 2003: 4). «Стоит сразу отметить, что трое респондентов – студенты технического вуза, не знают, что такое этнография: для них это – “что-то связанное с археологией”, “этнограф ездит в экспедиции и раскапывает черепки” и т.д., этим и ограничиваются их представления, потому ответить на все остальные вопросы они не смогли» (Борисова 2003: 9). Даже студенты гуманитарных специальностей не всегда знают о существовании такой дисциплины: “Социальная антропология? Нет ассоциаций!” (Крамар 2003: 3).

Студенты отделения антропологии отмечали, что до поступления в университет они почти ничего не знали ни об этнографии, ни о социальной антропологии. Большинство опрошенных узнали о существовании такой специальности (и научной дисциплины) из справочника для поступающих в вузы: “Студенты-антропологи поступили [на отделение] случайно. Также на антропологию был маленький конкурс. ... При поступлении никакого четкого представления об этой науке не было, кроме того, что *антропос* – это человек, а *социум* – это общество; наука изучает человека в обществе...”. «До поступления в университет я практически ничего не знала ни об этнографии, ни о социальной антропологии. Впервые с термином “антропология” я столкнулась в книгах Карлоса Кастанеды, которые читала, учась в старших классах школы...». “Я взялась за изучение справочника для абитуриентов..., и именно тогда мне на глаза попался раздел о ...социальной антропологии...”. “Я узнала о существовании социальной антропологии из общего списка факультетов. Еще одной предпосылкой для поступления именно на этот факультет явилось предоставление большого количества времени, что было очень важно для возможности совмещать учебу с работой”. “Студенты-антропологи сообщали, что попали на факультет случайно – либо не поступили на другие факультеты, либо экзамены были легкими. Лишь единицы выбрали антропологию в качестве профессии сознательно...”².

Не всем респондентам из числа тех, кто более или менее уверенно определял предметы дисциплин (многие, опираясь на этимологию слов “этнография” и “антропология”), удалось ответить на вопросы о методах, целях и задачах этих наук.

– Чем, с твоей точки зрения, занимаются этнографы и антропологи?

– Вообще плохо представляю.

– [другой респондент, студент-филолог]: Прежде всего получением грантов (в худшем случае, зарплаты). Кроме того, они пьют чай на соответствующих кафедрах... Методы: творческая работа и турпоходы...” (Аникеева 2003: 7).

“Наибольшие затруднения вызвал вопрос о предмете, задачах и методах антропологии. В определении объекта антропологии респонденты были единодушны – человек. А вот задачи науки определить никто не смог...” (Гриценко 2003: 9). “Задачи этнографии состоят, собственно, в поддержании себя как науки (студент, 19 лет)... Четыре человека считали, что главной задачей этнографии является предотвращение межэтнических конфликтов. Выяснилось также, что практически никто не представляет себе, какие методы использует этнограф в своей работе: двое ответили, что он должен какое-то время прожить в стране изучаемого народа; один считал, что основным методом исследования является работа с книгами; остальные затруднились ответить на этот вопрос, хотя многим представляется, что этнограф должен много путешествовать...” (Гончарова 2003: 5–6). «Некоторые приписывали этнографии “изучение общества, демографической ситуации, уровня образования” (девушка 20 лет, юридический факультет; молодой человек 23 лет, инженер-физик)» (Медведева 2003: 5).

«Следующие два вопроса я задавала только студентам – социальным антропологам: что вы отвечаете, когда вас спрашивают о вашей специальности, и как пред-

ставляете себя во время полевой работы? Как правило, респонденты предпочитают говорить правду о своей специальности только тогда, когда уверены, что их собеседники хотя бы немного осведомлены о социальной антропологии, в противном случае не избежать множества вопросов, на которые не всегда есть желание отвечать – “что это? для чего?”. С этнографией та же ситуация – многие ассоциируют ее с географией, поэтому очень часто вместо социальной антропологии респонденты называют свою специальность социологией – “так проще”» (Борисова 2003: 12). Некоторые “предпочитают говорить, что учатся на факультете социологии или психологии, так как многие не знают, кто такой антрополог, и следует множество вопросов, которые не всегда уместны” (Медведева 2003: 9).

Мало обнадеживало и стереотипное восприятие этнографа (ответы на вопрос: кто такой этнограф?), по какой-то причине сфокусированное исключительно на визуальных образах: “Дядя или тетя в бермудах и пробковой шляпе; изучают косточки, письма, работают, сопоставляют факты”. “Наблюдает из кустов за жизнью какого-либо племени”. “Дядечка средних лет, мотающийся по Африке”. “Спортивный человек в джинсах и с рюкзаком на плечах. Носит очки, потому что много читает и портит себе зрение”. “Красивая девушка в очках, с сигаретой и томиком Леви-Стросса”. “Мужчина, ходит в походы, типа геолога. Образ социального антрополога отсутствует или представляется в виде интервьюера...”.

Вопросы об общественной значимости этнографии/антропологии, ее перспективах и возможных областях приложения антропологических знаний также затрагивались в интервью и вызывали предсказуемые затруднения при ответах. Лишь часть респондентов сумела предоставить некоторые догадки относительно значимости этих знаний: “Думаю, что ее значение будет уменьшаться”. “Для нашей страны [эта наука] будет актуальной – страна многонациональная”. “Изучать стоит, а что выйдет – непонятно. Пусть будет как процесс. Для ответа на сегодняшние вопросы надо копаться в древности” (Крамар 2003: 3).

Мужчина 45 лет, кандидат технических наук: “Я не верю, что в реальной жизни антропологию или этнографию можно как-то применить. Уровень наших властных структур оставляет желать лучшего. Кто будет финансировать все это? Наверное, это интересно, но не более того”. Студент 19 лет: “Особого практического применения я не вижу... Студент приходит на первый курс с интересом путешествовать, знакомиться, общаться. Но если серьезно займешься – будешь голодать” (Гончарова 2003: 11). “...Признавались, что сами бы не стали заниматься изучением этого предмета, так как считают его скучным и не приносящим достаточных финансовых средств в будущем” (Мартынова 2003: 11).

Лишь несколько респондентов из десятков опрошенных видят широкое поле применения антропологических знаний: “...антропологи могут пригодиться при решении ... практических задач в социальной сфере. Для обустройства тюрем нужны специалисты по антропологии маргинальных групп и т.п. ...Озеленение города, лесоповал, Государственная Дума, добровольные народные дружины, редакции газет и журналов, пожарная охрана, преподавание в школе и т.д., в зависимости от квалификации конкретного антрополога / этнографа” (Аникеева 2003: 7–8).

При всей необязательности и несерьезности некоторых из приведенных ответов практически все они если не говорят прямо, то “проговариваются” о доминирующем в российском обществе представлении об этнографии / антропологии, ухватывая существенные идеально-типические ее характеристики (время полевой сезона – лето, излюбленные “объекты” – экзотические племена и народы, область применения, обусловленная экзотикой предмета, – преимущественно просветительская). Средства массовой информации лишь укрепляют этот образ, связывая антропологию с тиражируемыми ими фото- и видеорепортажами инсценированных экзотических ри-

туалов. При таком доминирующем стереотипе не удивительно, что антропологи не могут найти работу по специальности за рамками академии и университета.

Информация о том, как знания антропологов используются в наших и других обществах и государствах, остается крайне недостаточной. В Великобритании и США, где к этой проблеме обращались неоднократно, начиная с 1910-х–1930-х годов (Voegelin 1950), были выработаны простые рецепты: следует обращаться и писать для более широкой аудитории; должно быть больше антропологических курсов и дисциплин не только в университетах, но и в школах; следует пропагандировать достижения и прикладные работы как способ борьбы с устаревшим имиджем, доставшимся от колониальных времен; необходимо демократизировать дисциплинарные знания, организовывать серьезные публичные обсуждения роли социальных и гуманитарных наук в обществе; большее внимание следует уделять формированию публичного образа науки и целенаправленной деятельности по его формированию; широко демонстрировать прикладные знания и умения (как организовать перепись населения, усовершенствовать техники наблюдения и исследования, пригодные не только в науке, но и, например, в менеджменте; как решать проблемы кросс-культурной коммуникации и т.д. и т.п.). В этих рецептах нет ничего нового, но требуется действительно целенаправленная, кропотливая и повседневная работа для разъяснения, по видимости, элементарного положения, что современные знания о человеке и его культуре жизненно необходимы обществу на всех этапах его существования и в особенности тогда, когда любое достоверное знание становится едва ли не синонимом высоких технологий, поскольку по своей природе высокотехнологично, и когда будущее общества непосредственно зависит от умения распоряжаться таким знанием.

Примечания

¹ Даже количественно антропологи в США, по самым скромным подсчетам, превосходили своих российских коллег десятикратно. По данным Американской ассоциации антропологии, в середине 1990-х годов на 175 университетских отделениях антропологии с целью получения степени бакалавра в этой области обучались около 16 тыс. студентов, причем обзор (AAA 1998 Survey of Departments Report) охватывал лишь 64% отделений, осуществляющих подготовку антропологов.

² Из отчетов и интервью, взятых у студентов Российского государственного гуманитарного университета в апреле 2003 г. (см. рукописи в списке литературы).

Литература

- Аникеева 2003 – Аникеева Т. Микроисследование социальных представлений о российской антропологии / этнографии. М., 2003. Рукопись.
- Борисова 2003 – Борисова Л.В. Социальные представления о российской антропологии / этнографии. М., 2003. Рукопись.
- Гончарова 2003 – Гончарова У.А. Микроисследование социальных представлений о российской этнографии (антропологии). М., 2003. Рукопись.
- Гриценко 2003 – Гриценко О.С. Микроисследование социальных представлений о российской антропологии / этнографии. М., 2003. Рукопись.
- Крамар 2003 – Крамар М. Микроисследование социальных представлений о российской антропологии / этнографии. М., 2003. Рукопись.
- Мартынова 2003 – Мартынова М.С. Микроисследование социальных представлений о российской антропологии (этнографии). М., 2003. Рукопись.
- Медведева 2003 – Медведева О.С. Микроисследование социальных представлений о российской антропологии / этнографии: Семестровая работа по курсу “Этносоциология”. М., 2003. Рукопись.
- BB 2003 – Building Bridges: Collaborating Beyond Boundaries: Paper Abstracts of the Annual Conference of the Society for Applied Anthropology. Portland (Oregon), 2003.
- Mascarenhas-Keyes et al. 1995 – Mascarenhas-Keyes S. et al. Report on Teaching and Learning Social Anthropology in the United Kingdom. L., 1995.
- Shore 1996 – Shore C. Anthropology’s Identity Crisis: the Politics of Public Image // Anthropology Today. 1996. Vol. 12. № 2. P. 2–5.
- Voegelin 1950 – Voegelin E.W. Anthropology in American Universities // American Anthropologist. 1950. Vol. 52. № 3. P. 350–391.